

ОТ АВТОРА

Национальное — стало жгучей проблемой в современном мире. Политики разжигают национализм и торопятся практически «решать», не подозревая, с какой многослойной толщей бытия и культуры тут приходится иметь дело.

Наш подход — не прагматико-идеологический, но культурно-эвристический: понять национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник...) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции — иные. Наша цель — явить взаимную дополнительность, как бы разделение исторического и культурного труда между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли. **Возлюбленная непохожесть** — этим дорожить надо, это наша общая ценность. Ценить надо то, что не я и не мы, а значит, знают и умеют то, что восполняет — мое уникальное тоже умение и понимание... Таков пафос сей книги. Она призвана содействовать взаимопониманию между народами и культурами.

Предлагаемая книга — две ее части — как фотография и рентген. В первой части автор выходит как маститый ученый на кафедру, мэтр, профессор, и излагает в сжатой форме итоги своих 30-летних описаний национальных образов мира. Во второй — дан дневник его жизни в тот осенне-зимний семестр 1991 года, когда он читал этот курс лекций в Весленском университете в США, дан снимок его внутренних ощущений, переживаний, мыслей. Предстает он во всей незащитности как человек живущий... — «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» Прецедент этому — «Доктор Фаустус» Томаса Манна и его «Роман о романе» — воспоминание о том, как писался роман. Но то — потом, а тут — сразу.

Итак, первая часть — экстравертность: автор выносит наружу выношенные в предыдущих трудах мысли об объективных предметах — в данном случае дает панораму национальных миров и

их ментальностей. Вторая часть — интравертность: автор ввернут внутрь себя и исповедует, как на духу — как перед понимающим другом, как перед Богом, ничего не скрывая, хоть и стыдясь... Просто, не имея друга-собеседника, исповедовался бумаге.

Радио и Эмоцио. Или, точнее: в первой части — эмоциональная (ибо образная, художественная) мысль, умозрение, а во второй — осмысление чувств в то время, как трудился ум в Слове.

Такой книги еще не было. Ибо или — или: или курс лекций и трактат, или мемуары, дневник. «Но смешивать два этих ремесла...»? — вот в этом-то и смысл, и пафос, и открытие жанровое, на что осмелился автор сей книги.

То есть, Дело — и Как это делается.

И еще одно важное предуведомление.

Национальные образы мира я описывал почти 30 лет. 16 томов рукописей захватить с собой в Америку я, естественно, не мог, и когда мне надо было в 3—4 лекциях описать Английский или Итальянский, или какой другой образ мира, я мог опираться только на память... Но это и хорошо: вспоминались только самые важные тезисы, идеи, образы. Так что забвение выполняло абстрагирующую, отсеивающую работу.

Во-вторых, лекции я читал на английском языке. Не владея им как родным, я был несколько стеснен в выражении мысли: не мог предаваться раздольной игре слов и образов... Но это и лучше: в результате текст — а я был должен писать свои лекции заранее, не надеясь на экспромт, — вышел более жилистым, мускулистым. На русском языке я такого сжатого курса лекций не смог бы написать: соблазнулся бы там и сям порастекатися мыслию по древу...

Когда же курс был прочитан и вот возникла идея дать его и для русской аудитории, я принялся — переводить себя... — на себя же! Предлагаемый текст — это как бы авторизованный самоперевод с английского. При этом иногда возникали нечаянно «англицизмы» — совершенно понятные неуклюжести, но они так освежительны, что я их не правил.

К курсу лекций я присовокупляю несколько национальных «портретов», которые написаны отдельно. Они добавляют свои краски к спектру национальных миров, предложенному в этой панораме.

За сим — пойдём на встречу друг с другом, читатель!

8 июня 1995 г.

Переделкино.

Часть первая

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

ЛЕКЦИЯ 1

Здравствуйте! Значит: желаю я вам **здоровья**, мой слушатель или читатель. Итальянец же бы вас приветствовал так: Come sta? = «Как **стоишь?**» Француз же бы поинтересовался: Comment ça va? = «Как это (нечто) **идет?**» Подобно и немец: Wie geht' s? = «Как **идется?**» Иудей сказал бы «Шалом!», что значит: «**Мир!**» Англичанин (и американец) бы спросил: How do you do? = «Как вы **делаете?**»

Уже в простом и повседневном акте взаимного приветствия люди разных народов выражают свои «символы веры», подчеркивают, что ценно для них в существовании. Для русских — здоровье, целостность, для англичан и американцев — работа, труд, для евреев — мир, для итальянцев — стабильность, статика, вертикальное измерение бытия, для французов и германцев — движение, динамика...

Таким образом, уже в повседневной речи мы разговариваем на языке сверхценностей, используем философские идеи и принципы, но не осознаем того, употребляя их бессознательно. И я призываю вас быть внимательными к привычкам будничного словоупотребления. Многие фундаментальные категории и понятия там залегают, подразумеваются. Если мы осознаем их, это даст нам важное средство проникновения в арсенал архетипов и принципов, в шкалу ценностей, что формируют национальную ментальность данного народа, его культуру. Корни слов в особенности содержат ключи к основополагающим идеям, и в них надо вслушиваться острым слухом, испытывать их и допытываться.

Я называю мою тему — «Национальные образы мира». Или — «Этнические картины мира» (Ethnic Pictures of the World) — так перевели в Америке в 1969 году мою первую статью на эту тему: «Национальные картины мира», опубликованную в журнале «Народы Азии и Африки», 1967, № 1. Или — «Национальные ментальности». Я предполагаю (еще до исследования предмета, так что это — гипотеза), что каждая национальная целостность:

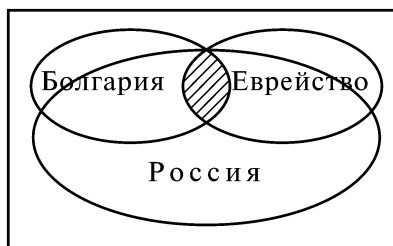
народ, страна, культура — имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей. Я не стану настаивать на строгом определении терминов: «национальный», «этнический», «региональный» и т. п. Они практически переплетаются, их границы размыты. Но и того смутного представления о них, которое каждый имеет, будет достаточно для нашей цели и работы. Предаться изощренным предварительным дискуссиям по уточнению терминов — эта софистика была бы тратой времени: в ней завязнешь до дела самого. «On s'engage et puis on voit», — говорил Наполеон. «Надо ввязаться в дело, а там видно будет». А дело наше — конкретные описания, сопоставления и толкования различных национальных целостностей: Россия, Америка, Греция, Франция... Одни из них, как Россия и США, — сверхнациональные образования, а Древняя Греция существует в настоящее время лишь как культурный феномен, но термин «национальное» в состоянии обнимать и покрывать все эти реальности.

В предпринимаемой нами работе есть серьезная интеллектуальная польза: понимание того, как одна идея, та же вещь может представляться и пониматься различным образом, вариантно, — это расширит умы, освободит их от стереотипов. Есть также и этическая, моральная ценность в такого рода исследовании: если я буду осознавать ограниченности своего кругозора и понимания (не только как мои личные, но и как проистекающие от моего членства в данной национально-культурной целостности), я буду с большим уважением относиться к другим народам, которые могут видеть и понимать вещи и идеи, которых я не понимаю.

Есть даже своего рода психотерапия в такого рода медитациях. Ведь каждый человек обеспокоен насчет своей «идентичности»: куда себя отнести, к какой группе? Каждый принадлежит к той или иной этнической группе или есть дитя смешения народов, живет или на родине, или в другой стране, на «чужбине». «Кто же я такой? — это первый и главный вопрос при пробуждении ума или рефлексии. — Русский, англичанин, грузин, еврей, американец?» А если американец, то какого происхождения: ирландского, польского, итальянского, китайского?.. «Познай самого себя!» — древняя сократова заповедь каждому человеку. Но реализована она может быть только в процессе познания окружающего мира. Это двуединая задача и работа: познавай себя и познавай мир.

Для меня — я должен признать это сразу — проблема национального самоопределения была одним из главных стимулов, побудивших меня заняться темой «Национальные образы ми-

ра». Мой отец — болгарин из-под Родопских гор на Балканах. В 1926 году он прибыл как политэмигрант в Советский Союз — «обетованную землю», как это казалось издалека социалистам-романтикам. И действительно: вначале отец смог развернуться как философ музыки, литератор. Он писал о Вагнере и Декарте, о Бетховене и Стендале, переписывался с Роменом Ролланом, защитил диссертацию и издал книгу «Эстетические взгляды Дидро»... Но в 1938 году он был арестован как «враг народа», сослан на Колыму, где и умер... Учась в Московской консерватории на музыкально-научно-исследовательском отделении, он встретил там еврейскую девушку из Минска, которая стала его женой и моей матерью. Я родился в 1929 году в Москве, так что моя родина — Россия (или Советский Союз как ее временное продолжение), а родной язык — русский. Так кто же я такой? Какова моя «национальная идентичность»? Должен ли я и могу ли я считать себя членом болгарской целостности, или еврейской, или русской и следовать какой-то определенной (и какой?) традиции, системе ценностей — считать ее своею, примыкать к какому-то стилю в мышлении?.. Но ведь я не совпадаю, не совмещен («конгруэнтно», как говорят в математике при наложении треугольников...) ни с одной из них. Я — смешанный. Я имею отношение ко всем им, но не полностью, а частично. В той же математике в теории множеств есть такое явление, как «пересечение множеств».

Заштрихованная область — это моя личная «земля», персональная «почва», которая стала основанием для моих исследований различных национальных образов жизни и мирозерцаний. Перед аналогичной задачей — самоопределения в национальном отношении — стоят многие. И я надеюсь предоставить некую интеллектуальную терапию, излечение от тревог и беспокойств своему слушателю и читателю...

Раз уж я начал исповедоваться, то — еще одно признание. Все хорошее в этой жизни, что положено человеческому суще-

ству, я испытал: и любовь, и семью, и красоту в природе и в искусстве, причастился к сокровищам культуры, испытал наслаждение свободной мысли и радость творчества... Только вот мира не видел, не мог путешествовать в другие страны: не посылали, не пускали, да и денег не было. У нас ведь, в Советском Союзе, за «железным занавесом», только «проверенным товарищам» дозволено было выезжать... Я очень страдал от этой невозможности. Даже такой эпизод был в моей жизни, когда я, тридцати трех лет от роду, будучи кандидатом наук и научным сотрудником Института мировой литературы Академии наук, бросил все и нанялся плавать матросом в Черноморском пароходстве в надежде попасть в заграничье и увидеть таким образом мир. В течение двух лет (1962—1963) работал моряком на Черном море, но мне не открывали визу... Я вернулся в Институт и принялся читать о разных странах и культурах, описывать их, сравнивать. Теперь я понимаю, что мои описания национальных образов мира стали моим способом путешествовать — умом и воображением. На несколько лет я зарываюсь в ту или иную страну: в Индию, Германию, Америку и т. п., читаю о природе, истории, обычаях, кухне, религии, изучаю литературу, философию, науку и технику, проникаюсь национальным языком и его логикой — и в результате пишу портрет этой национальной целостности. Таким образом я удовлетворял свою потребность видеть мир в течение 30 лет. Много таких портретов мною написано, целая серия в 16 томах. Некоторые уже начинают публиковаться, но большинство — еще у меня в рукописях. Некоторое резюме этих исследований и «дайджесты» национальных портретов и будут мною предложены в этих лекциях.

То, что я исповедуюсь в личных мотивах своих научных исследований, нарушает принятый в науке этикет, согласно которому всякие чувства, психологию, авторскую субъективность следует оставлять за скобками, а подавать надо объективные результаты, — а что нам до твоих эмоций и прочих слез и соплей!.. Но ведь всякая научная теория имеет личностное происхождение, и отдать себе в этом отчет важно не только для честности мысли, но и для ее глубины и именно **объективности**. Ведь при открытых картах идет тогда научная игра, и слушатель и читатель может видеть мои ограниченности и где меня заносит страсть в односторонность идеи, и имеет возможность со стороны меня судить и выправлять мою мысль. Да и вообще такая «отчетная» авторская мысль прозревает вещи и сцепления, которых не зрит мысль безотчетная. Потому я именую такое мышление ПРИвлеченным (ATtract) — к ответственности, в том числе

и передо мной как человеком живущим, в отличие от мышления ОТвлеченного (ABSTRACT), которое почтено и ритуально в науке. А культурологию, которую я развиваю, я называю ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЕЙ.

В экспериментальной физике XX века столкнулись с тем, что прибор влияет на получаемые данные опыта: потоки элементарных частиц, пролетая в поле прибора, испытывают из-за него отклонения, и надо делать поправку на вторжение прибора в опыт. Ну а в гуманитарной науке что прибор? А вот я — такой-сякой человек, подверженный страстям, комплексам и настроениям, которые гнут мысль сегодня в этом направлении, а завтра, встань я с другой, там с левой ноги, — в ином. На все это и надо делать поправку — и хорошо, когда сам это делаешь или по крайней мере не умалчиваешь, а вносишь в текст, а читатель уж да смекает и судит сам...

Итак, эти мои портреты национальных целостностей неизбежно субъективны, это МОИ ОБРАЗЫ о национальных образах мира разных стран и народов. Читатель пусть сомневается, критикует, моя мысль да провоцирует его собственную, порождает творческую активность его ума — чего же более может ожидать автор от своего текста? У меня нет претензии и амбиции дать точное понятие (это и невозможно в подобных материях), но стремлюсь дать идею, представление об избранном предмете, раскрыть его проблемность.

В последние годы я наконец получил возможность повидать некоторые из стран, которые я перед тем описывал в своей манере «интеллектуальных путешествий» (как у Стерна — «сентиментального путешествия» жанр). С удовлетворением я обнаружил, что мои основные интуиции оказались верными. Я внес, разумеется, некоторые поправки в свои описания под влиянием конкретных впечатлений и наблюдений. Но, к своему удивлению, я не нашел в душе того творческого импульса, который двигал моим умом, когда я должен был работать только внутренним видением умозрения, когда я мог за один год (зимой 1975—1976 гг.) написать тысячу страниц об американском образе мира — книгу, которую бы я, если издавать, озаглавил: «Америка глазами человека, который ее НЕ видел».

Так я осознал, что мой интерес и азарт заключается не в том, чтобы ЗНАТЬ точно, но в том, чтобы, не зная, — УГАДАТЬ правдоподобно. Вот что возбуждает творческую силу во мне. ЭРОС УГАДЫВАНИЯ — вот что вдохновляет и ведет в такой работе. Живые впечатления этому даже мешают. В отличие от журналиста, который в своих очерках описывает множество любопыт-

ных особенностей и курьезных деталей, я стремлюсь докопаться до некоего единого принципа, что лежит в основании всего сооружения национальной жизни, цивилизации, составляет его динамическую душу, «энтелехию» (= «целевую причину»), которая, по Аристотелю, в начале и в конце данного организма, целого, и одушевляет развитие и ведет как бы спереди, из будущего, и проследить затем ее разветвление в многообразии фактов здешней жизни и культуры. Платон полагал, что наше познание есть в сущности ПРИПОМИНАНИЕ того, что душа врожденно знала, но забыла среди забот и впечатлений повседневной жизни, а вот в сосредоточении умозрения может восстанавливать это знание. Подобным образом и наш разум обладает способностью реконструировать различные миропонимания как возможности и вариации Мирового Духа, а также и нашего личного сознания с Ним...

То, чем я и мы будем заниматься, — это не «национальная проблема», не «национальный вопрос» — эта болезненная, мучительная и неразрешимая дилемма (ПОЛИ-лемма, лучше сказать, ибо множество в ней поворотов...), что обуревает фанатиков и доводит до головной боли политиков во все времена, в том числе и нынешнее. Для меня это не проблема, которую надо разрешать бинарным: «или — или» способом, но — гносеологическая радость, благословенное изобилие интеллектуальных вариаций, в каких можно представлять идеи и творить вещи. Индивидуум, выросший в атмосфере определенной национальной культуры, одарен ею талантом особого видения явлений бытия — даже в физике, не говоря уж об искусстве и поэзии. Национальная природа и дух питают интеллект и воображение своих детей, снабжают особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями. ЭВРИСТИЧЕСКАЯ сила национальной ментальности: дар открывать и изобретать особым образом — вот что меня интересует более всего.

Я осознаю, что много возражений можно выдвинуть против моего подхода, и я сам лучше всех мог бы оспаривать свои же построения. Мне возражают: так ли уж различны умы народов? Разве не все мы одинаковые человеческие существа, способные понимать все? Разумеется, все равные и равноценные. Но взгляните на инструменты оркестра. Они все — музыка, все исполняют ее. Но один — флейта, другой — скрипка, труба, фагот, арфа... Каждый обладает своим тембром и добавляет свою краску в симфонию Вселенной. И следует ли нам обижаться на другой инструмент из-за его неравноподобия мне: валторне,

например, на фортепиано? Напротив, восхищаться надо, обожать его особый тембр и талант, то особое знание и умение, которыми он одарен, а я их лишен, не умею так. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ НЕПОХОЖЕСТЬ! Вот что да будет наш пафос в исследовании национальных особенностей.

Отличия народов друг от друга с самой древности занимали умы. Для первобытного племени другое — это уже не «мы», что у славян, например, в отношении германцев высказалось: они — НЕМЦЫ, то есть то ли «не мы», то ли «немы» = не умеют говорить по-нашему. Все человечество в примитивном сознании совпадает с нашим племенем, этносом, а прочие — это уже «нелюди», часть природы. (Этноцентризм и национализм у современных людей — рудимент такого воззрения.) С развитием контактов и в ходе истории стали понимать, что другие этносы — это тоже люди, но только иные. Путешественники, торговцы стали описывать разные страны, так что именно в книгах по землеописанию — географии находим характеристики народов как обитателей своих (нам чужих) стран. Знаменита и интересна в этом отношении «География» Страбона: она сводит и обобщает знания античности о странах и народах Европы, Азии и Африки. Но до того в книгах по истории эти данные можно было встретить, в частности в «Истории» Геродота. И у философа Платона в его диалогах, например в «Государстве» и «Законах», есть наблюдения и размышления об образах жизни и понятиях разных общественных групп, народов и соответствующем им устройстве государств.

В Новое время классические сочинения, близкие к нашей теме, следующие. Джамбатиста Вико — «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), Монтескье — «О духе законов» (1748), Гердер — «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791), Гегель — «Философия истории» (лекции в 1820-е гг.), Данилевский — «Россия и Европа» (1869), Шпенглер — «Закат Европы» (1918—1922), Тойнби — «Исследование истории» (1934—1961). Собрали богатейший материал и расширили наши представления о менталитете народов мира исследования по первобытной культуре — Тэйлора, Фрезера, Леви-Брюля, Леви-Стросса, Е.М. Мелетинского. Науки, занимающиеся предметами, входящими в круг наших интересов, — это этнография, лингвистика, семиотика, социокультурная антропология, культурология и др. Назову также авторов, труды которых имеют непосредственное отношение к тому, чем мы занимаемся: Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов, С.С. Аверинцев, А.Я. Гуревич и другие.

ЛЕКЦИЯ 2

Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а, так сказать, гносеология, национальная логика, склад мышления: какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данному народу, и составляет национальный образ мира.

Плодами истории являются как цивилизация, общая для всех и способная переноситься и строиться, так и культура, которая вырастает. Нельзя построить дерево. (Хотя тут же ловлю себя на слове и возражаю: а по-немецки «дерево» = *Baum*, от глагола *bauen* = «строить», так что как раз «построенное» оно буквально и значит! И вот уже задача для будущего распутывания...) Цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом, с одной стороны, возможность взаимопонимания, а с другой — красота разнообразия.

Но с чем постоянно сталкиваешься в общении? Все произносятся одни и те же слова — и на политических конференциях, и на международных научных симпозиумах, а ведь люди из разных культур понимают под ними очень разные вещи. Знаки — те же самые: «бог», «права человека», «справедливость», «закон», «время» и «пространство», «секс», «хороший вкус», «художественное» и т. п., но понимание, комплексы представлений и идей, что залегают под этими знаками, различны, а иногда и противоположны. И как могут быть одинаковыми представления, например, о «свободе» у англичанина, который датирует традицию личных гражданских свобод еще с «Великой хартии вольностей» XIII века и для кого «свобода» значит *self-madeness*, самостроительство и самоответственность, сдержанность и самообуздание, способность владеть собой и условиями своего существования, — и у русского, или, как говорят ныне, «россиянина», который только вышел из патерналистских режимов империи и социализма и который может понимать свободу прежде всего как развязывание внешних уз и удержей, как волю вольному и что теперь все позволено?.. Или о «рыночной экономике»: как могут вкладывать одно и то же понятие в эти слова американец, у которого его цивилизация уже при ее основании почти четыре века назад строилась на этом принципе свободными индивидами и с тех пор постоянно развивалась в одном этом направле-

нии, совершенствуя этот тип производства, — и тот же самый россиянин, кто после почти века коллективно-социалистической экономики и воспитания находится сейчас в понимании о том, что есть рынок, даже не на нуле, а в минусе?.. Но и напротив: понятия о «братстве», «товариществе», «самопожертвовании за родину» — тут русский американцу сто очков вперед даст. Или в «беседе по душам» и о «высших материях», о «смысле жизни», не считаясь со временем, не переводя его в деньги...

Беда же — в том, что об этой разности разумеемого и подразумеваемого под одними и теми же терминами и словами в большинстве случаев и не подозревают. Чтобы мнимое взаимопонимание максимально приближалось к действительному, надо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т. е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я.

Но как? Что видит он в мире такого, чего я не вижу? И от чего это зависит? Вот в чем загвоздка. Если удалось бы как-то прояснить этот вопрос, в наше распоряжение поступил бы словно некоторый «**коэффициент**», который облегчал бы контакты между народами и культурами.

В общем виде решение проблемы национальных мировоззрений ясно: интернациональное и национальное находятся в единстве, определяемом единством мирового исторического и культурного процессов. (Хотя сразу сомнение возникает: есть ли на самом деле такое «единство» или это — старомодное гегельянское представление?) Однако, как только мы пытаемся более конкретно определить, в чем именно заключается национальное своеобразие данной целостности, культуры, нас сразу подстерегает ряд опасностей.

Это, во-первых, произвол, импрессионизм и необязательность суждений. Эту опасность можно постараться предотвратить с помощью сравнительно-исторического подхода. Во-вторых, затрагивание национальных чувств, обычно очень щепетильных к попытке **определения**, т. е. **ограничения** своего мира и понятий (Спиноза говорил: *Omnis determinatio negatio est* = «Всякое определение есть ограничение», потому что оно исключает другие связи данной вещи, идеи с прочими). Здесь единственное спасение — доброжелательность и объективность анализа — при той предпосылке, что каждый народ воспринимает и понимает все бытие в целом и ничье видение не выше и не ниже, а все неподменимы и необходимы человечеству. Могут быть различия в историческом уровне развития культуры, народа, но не в их возможностях.

Но одно дело — иметь общее убеждение, что все народы воспринимают единый мир, но по-разному его представляют, а другое — видеть, **как** это по-разному. И вот, чтобы изучение национального своеобразия протекало напряженно и дало больше результатов, исследователю, по-моему, полезно исходить из, так сказать, ПРЕЗУМПЦИИ НЕПОНИМАНИЯ как рабочей гипотезы. В самом деле, если я, придя в другую страну и знакомясь с новым человеком или идеей, заранее полагаю, что здесь встречу то же самое, что я уже знаю, но с некоторыми нюансами, — я слишком самоуспокоен, мой мозг ленив и самодоволен и, естественно, подсунет мне привычную схему мира, и я так и доложу, что здесь все то же самое, лишь свою расцветку дают да орнаменты вышивают по одной и той же канве и одному рисунку главного; ничего существенно интересного и особенного нет, значит, и поучиться здесь нечему. Но если я войду с трепетным ожиданием встретить неведомое, парализую свои привычные схемы, попробую превратить свой ум в *tabula rasa* (чистый лист), чтобы новый мир там беспрепятственно писал свои письма, и буду вслушиваться — о! тогда больше гарантии, что я постигну здешний образ жизни и мыслей. Сказав себе: «Я не понимаю», — ученый всегда в итоге работы добывает более глубокое знание, чем сказав себе: «Я понимаю». Так что «презумпция непонимания» не только не ставит преграды реальному пониманию между народами, которое и так осуществляется жизнью, но имеет целью расширить это понимание, чтобы оно было более сознательным.

Главная проблема: есть ли у каждой национальной целостности некая устойчивая физиономия, структура мира и мышления, относительно не зависящая от времени, — или все они на одно лицо, а разнятся лишь тем, что одни находятся на более ранней, а другие — на более поздней ступени исторического развития? Конечно, и национальное находится во времени (вместе с Землей и жизнью на ней), но его период обращения, его «год» — иной, чем год исторический. При том, что все народы под одним солнцем и луной и почти одинаковым небом ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс (и этот покров, крыша их объединяет и приравнивает друг другу), они ходят по разной земле и разный быт имеют, из различной почвы вырастают, жизненными темпоритами различены. А отсюда ценности, общие для всех народов (жизнь, свет, дом, семья, слово, бог и т. п.), располагаются в разном соотношении. **Эта особая структура общих для всех элементов** (хотя и

они в каждом национальном мире понимаются по-разному, имеют свой акцент) и **составляет национальный образ, а в упрощенном выражении — модель мира.** Это можно рассматривать как определение.

ЛЕКЦИЯ 3

Рассмотрим теперь элементы разнообразия. Что более важно и как бы врождено данному народу в его культуре?

Пространство или Время? Для германцев — Время роднее. Согласно Канту, Время есть априорная форма чувственности человека, а *Innere*, внутренняя жизнь души, — привилегированная ценность в германской шкале сверхидей. *Sein und Zeit* — «Бытие и Время» — философский труд Мартина Хайдеггера. Для русских же Пространство более свойско. Недаром в нем тот же корень, что в слове «страна». Англосаксонское уравнение: «время = деньги» не могло бы прийти в голову русским. Ну а в Соединенных Штатах как? Страна столь же обширна, как и Россия. Но англосаксы высадились сюда с принципом Труда и Времени как его мерой. Так что **отношение** Пространства ко Времени, т. е. Скорость здесь важнейшее: отсюда быстрота, успех — ценности.

Или возьмем проблему **Вертикальной** или **Горизонтальной** преимущественно ориентации в мире. Для России, которая «бесконечный простор» (Гоголь), горизонтальные идеи: Даль, Ширь, Путь-Дорога — превалируют. Германские же архетипы: *Tiefe* (Глубь), *Höhe* (Высь), *Stammbaum* (генеалогическое Древо), *Haus* (Дом) видятся априори в каждом существовании, т. е. вертикальный акцент.

То же самое — в Италии, где «комната» — *stanza*, что значит буквально «стоянка» (ср. французское *logement* = «лежанка»), а в приветствии, как уже говорилось выше, спрашивают: *Come sta?* = «Как стоишь?» Однако здесь обнаруживаются различия уже в вертикальной ориентации. Италия — космос **нисходящей** вертикали, а Германия — **восходящей**. В итальянской архитектуре купол, арка есть небо, опускающееся на землю. В германской кирхе готический шпиль есть усилие земли проткнуть небо, как и Вавилонский столп. В немецком языке характерны восходящие дифтонги: *auf*, *aus*, *ein*, а в итальянском — нисходящие: *ia* (*mia*), *ua* (*quanto*), *ue* (*questo*). В Италии Галилео Галилей развил в механике теорию «свободного падения тел». И в итальянском

мелосе часто встречается мелодия типа «вершина-источник», ниспадающая секвенциями, как арки в палаццо (неаполитанская тарантелла, Санта Лючия, ария Чио-Чио-сан и т. д.). В германской музыке усилие к восхождению, завоеванию выси (ср. кульминации бетховенских разработок) знаменательны. Сравните аналогичные по настроению предсмертный дуэт Аиды и Радамеса в опере Верди и «Смерть Изольды» у Вагнера. В первом — плавные ниспадания, во второй — восхождение из глубины в бесконечную высь.

Соотношение **Мужского** и **Женского** начал (китайские Ян и Инь) специфичны в каждом национальном космосе. Россия = «мать сыра земля», ее главная река Волга — «матушка» и кукла здесь — «матрешка». В Германии — **отчизна** Vaterland (в России — Родина-**мать**), и ее главная река Рейн — Vater Rhein, «отец Рейн».

Существуют страстные отношения между странами в историко-космическом Эросе, во взаимовлечении-отталкивании их историй. Германия выступала как мужское начало в отношении к России, как и Англия — к «сладкой Франции» (*douce France*) с ее Девой Жанной д'Арк. Вообще страны романско-католического Юга с их культом Матери-Девы выступают как женские в отношении к германским, англосаксонским, протестантским странам Севера, где утрачен культ Богоматери. Зато возрастает в удельном весе ипостась Святого Духа в Троице, а Бог акцентирован не как Отец, а как Творец, чем освящает принцип Труда, «ургии» там. В Америке Соединенные Штаты — мужское начало по отношению к романско-католической Латинской Америке, имеющее там свой гарем малых стран. Однако в наше время вдруг маленькая Япония вонзается в обширные и рыхлые Штаты, как Давид контра Голиаф... Китай — мужчина при Индии-женщине и т. п.

Растительный или животный символизм — тоже важный аспект в различении национальных мирозозерцаний. Для кочевых народов, где человек — кентавр на коне, священны животные: Конь, Верблюд, Лев, Овца. Так это для арабов, тюркских народов: наши казахи, киргизы... Вспомни образность киргизского писателя Чингиза Айтматова. И на юге Европы: в Греции, Италии — животные интимнее душам народов. Греческие боги Олимпа — животноподобны, с эротическими страстями, и все разнообразие мира порождено, согласно «Теогонии» Гесиода, в бесконечных соитиях титанов, богов и богинь. В Платоновом «Тимее» Бог сотворил Космос как совершенное животное; «гилогизм» там распространен — учение о живой материи. В Риме

священна Волчица, сосцы которой вскормили братьев Ромула и Рема, и в первой песне Дантова «Ада» три хищника символизируют человеческие страсти. А вот в России, Польше, Германии превалирует растительная символика: лес, дерево, трава, лист, цвет, зерно. В Англии и Франции равномерны животная и растительная символика: собака, волк, лиса, птицы, цветы, сады. В Соединенных Штатах фавориты — хищные животные: Белый Клык у Джека Лондона, Спрут и краб у Норриса и Драйзера, Акула в «Старике и море» Хемингуэя, Кит в «Моби Дике» — сии океанские обитатели Атлантики, которую пересекать приходилось иммигрантам и которые залегли архетипами в их подсознание. Но главный символ там, конечно — Машина. Автомобиль — творение искусственное. И там выведен новый кентавр — *man-in-a-car* = человек-в-машине.

Культуры и миропонимания различаются тем, как они понимают **происхождение** мира и всего в нем. Порождены они Природой или сотворены Трудом? **Генезис** или **Творение**? В Старом Свете Евразии цивилизации развивались в каждой стране от природы к культуре постепенно, но и тут свои акценты. Для мирозерцания Эллады типичен взгляд на все как на порождаемое: Теогония и Космогония. Для иудеев характерен креационизм: Творение мира Богом за 7 дней. Эти принципы я обозначаю терминами ГОНИЯ и УРГИЯ. Первое от греч. *golē* = рождаемое, того же корня, что и «ген», и обозначает то, что порождено природой, возникает естественно. Второе — от греческого суффикса деятеля *ourgos*, означающего «труд», «работу», как в слове «демиург» (творец, труженик, ремесленник) или в моем имени «Георгий», которое означает «земледелец». «Ургия» — это искусственное сотворение, создание трудом, понимаемое как первоценность в сравнении с бессознательным рождением Природы.

В Германии «ургия» преобладает. Немцы знамениты в труде и чувстве формы (они просто не умеют работать плохо) и в инструментальной, «ургийной», не вокальной музыке, которая более натуральна, «гонийна». Ургия тут перехватывает и продолжает гонию. Даже слово «дерево» — Baum (как уже говорилось выше) означает вместе и нечто растущее, и «построенное»: это причастие от глагола bauen = «строить». И «крестьянин» по-немецки Bauer = буквально «строитель», конструктор на земле.

Для русского сознания происхождение вещей — вообще не столь важный предмет для мысли; гораздо важнее — зачем все? для чего? Но если уж делается выбор, то склонны, скорее, к

«гонии»: Бог его знает, как все возникает, может быть, рождено Матерью-Землей...

В Англии обитает self-made man = «самосделанный человек», и там спрашивают: How do you do? = «Как ты делаешь делание?», с двумя do, выражая пристальный интерес к тому, как ты строишь свою жизнь. И даже в молитве Господней, там, где по-русски просто «**Да будет** воля Твоя», в английском переводе Thy will be **done** = «Твоя воля да будет **сделана**». То же по латыни: **Fiat** voluntas Tua и по-французски: Que ta volonté soit faite — ургийный подход. А вот по-гречески: Genetheto to thelema sou = «Пусть родится воля Твоя», от «генезиса», «гонийный» вариант. По-немецки же Dein Wille geschehe = «Твоя воля да произойдет», случится. Употреблен глагол geschehen — того же корня, что и Geschichte = «история», и Schicht — «шихт», слой в шахте. Так что идея «глубины», Tiefe, тут залегает, а «история» = «сослойность» буквально. Взгляд народа горняков-трудяг, адептов вертикали бытия.

Ну а в Соединенных Штатах высадился self-made man, самосделанный человек, и построил себе self-made world, самосделанный мир. Тут абсолютное преобладание принципа «ургии».

Могут быть отмечены **национальные варианты религиозного чувства**, национальные образы Бога. И в христианстве догматические различия коррелятивны национальным: не случайно географическое распределение зон православия, католицизма, протестантизма и его разных течений, — тут созвучие с национальным Космосом и Психеей... Рассмотрим, например, символ Троицы: каков удельный вес Отца, Сына и Святого Духа в разных мирах? В России Троица, хоть и введена Сергием Радонежским как национальное средоточие, все ж для народного чувства слишком абстрактно-математична эта идея, и воспринимается тут милый суффикс «ица», который сразу повлек ее во Богородицу (Георгий Федотов исследовал эту миграцию Троицы в Богородицу в народных духовных стихах). И Богородица тут оттеснила в культе все прочие ипостаси христианского Божества: Бого-Матерь естественно сблизилась с «матерью сырой землей» и «Матерью Родиной», «Матерью Россией». Так что в благотворной, но и в опасной близости здесь оказались христианское и патриотическое чувства (одно может приниматься за другое). И в Богоматери-Деве акцент на матери, а не деве.

В католических странах на Юго-Западе роль Бога-Сына повышена в силу принципа filioque («и из Сына» исходит Св. Дух). А в восточном христианстве православия — только из Отца исходит Св. Дух. Это очень многое значит: Отец, старое, тради-

ция — сильнее нового, молодого. Ведь что есть возвышение Сына на Западе? Это сопрягается с культом нового, молодого, динамического в Западной цивилизации. Здесь ценятся — «новелла» и «новел» (роман), «новости», мода, прогресс. Это соответствует Эдипову комплексу, что есть мотор Западной цивилизации (Сын убивает Отца и женится на Матери = на Жизни, на реальности...).

В Италии пара: Мать — Сын превалирует в религиозных чувствах, но «мадонна» слишком введена в меру человеческого существа, умалена ее сакральность: не Бого-Мать она, а как *matra mia*. То же самое и Бог-Отец секуляризован здесь: папа — как Его инкарнация. В Польше Богоматерь воспринимается как Прекрасная Пани, скорее как супруга польского народа, и она почитается как Королева Польши, соскальзывая с Божова на Кесарев уровень. Матка Бозка Ченстоховска носит ожерелье, как колье. Мицкевич уподобляет польский народ Христу, и они соперничают в претензии на любовь Марии.

Реформация в германском регионе Севера Европы аннигилировала теплое почитание Матери Бога (как слишком земное и телесное), умалила роль Сына, но возвысила образ Святого Духа. Но и Злой Дух появился тотчас, как *alter ego* Святого (блестящий Люцифер в «Авроре, или Утренней заре в восхождении» Якоба Беме, и в «Потерянном рае» Мильтона, Фауст и Мефистофель и т. п.). А что означает акцентация Духа? Мастер своего дела исполнен уверенности в своих силах и в себе как сотрудник Бога в продолжающемся Творении. Его «Я» выходит на прямой контакт с Богом, как это произошло на Пятидесятнице, когда Бог в ипостаси Святого Духа излился на лысые головы апостолов и они принялись спонтанно глаголати языками разными. Отсюда — разнообразие сект и толков в германских и протестантских странах: баптисты, методисты, пуритане, мормоны, квакеры... Отсюда и принцип плюрализма и терпимости к разному в Англии и США. В этих странах нет тенденции к монизму и унификации, как в России и даже в Германии (Гегель — монизм Абсолютного Духа, Бисмарк — объединение Германии и т. д.).

В США эти английские принципы плюрализма и терпимости прогрессировали далее. В этой стране предельной «ургии» Бог чувствуется прежде всего как Творец, а все натуральные идеи: «отец», «мать», «сын» потухают здесь без любовно-природной пищи. Только у негров живая теплота к Богу, и Иисуса они именуют «брат» («brother Jesus»). Англосаксонский и американский вариант христианства имеет ветхозаветный акцент, приближа-

ется к иудейскому образу Бога как духа и Творца (но не Отца). То-то и имена ветхозаветные так распространены в Англии (Исаак Ньютон, Адам Смит, Давид Рикардо, Урия Гипп у Диккенса, Ребекка Шарп у Теккерея и т. п.). Между прочим, не нашел я следов дьявола (Сатана, Люцифер...) в американском религиозном чувстве. И это понятно: дьявол, демонизм — аристократические идея и образ, и много его в феодальной Европе изысканных проявлений. А плебейм-пуританам, высадившимся в Америке, достаточно суеверий и ведьмовства (процесс «Салемских ведьм»...). Однако ныне уже и сатанинские секты возникают там, но тоже плебейски массовые, как эзотерические общины, варварски суеверные...

Продолжая перебирать элементы разнообразия, задумываемся над тем, какой из **основных вопросов** существен для нации. Что это за вопросы? Что? Почему? Зачем? Как? Кто?...

Что это есть такое? — главное вопрошение в греческом умозрении: вопрос о бытии и его членораздельности формой.

Почему? — вопрос важнейший для немцев, их интерес направлен к происхождению, к причинам (причинению = мастереанию) вещей. И они ищут причины в Глубине: в основании, в фундаменте (Кант полагает фундамент для здания метафизики, Маркс в германской традиции мыслит о базисе и надстройке, Шеллинг ищет «основу в Боге» и т. п.), в глубинах прошлого, где корни древа бытия залегают. Warum? = Was um? = «Что вокруг?» Мир предполагается состоящим из двух частей: «Я» и «Не-Я» (как это в философии Фихте), субъект — объект, Haus — Raum (Дом — Пространство).

Для французов тот же самый вопрос «почему?» звучит как **pour-quoi?** = «**для чего?**», т. е. «**зачем?**». Цель важнее Причины. Сущность бытия полагается лежащей где-то впереди, в будущем. Отсюда французские теории **прогресса** (Руссо, Кондорсе), эволюции (Ламарк, Тейяр де Шарден), социальные утопии (Сен-Симон, Фурье, Конт).

Между прочим, польское «почему?» звучит как **dla czego?** = «для чего?» тоже. И есть взаимное притяжение и сродство между Польшей и Францией через голову Германии — в политике и культуре; напомним о Шопене и Жорж Санд; культ прекрасной дамы и пани, куртуазность, католицизм и т. д.

А вот для англичан и особенно для американцев главный вопрос будет «**Как**» — How? Как вещь работает? Как сделана? Принцип «ноу-хау» (Know how) распространился по миру отсюда. Бесконечное количество книг про How to: «Как что сделать?», «Как добиться успеха?», «Как приобретать друзей и вли-

ять на людей?» (стиль Дэйла Карнеги) выходят в Штатах как бестселлеры.

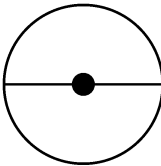
Ну а что же будет основной вопрос, интересующий русских в бытии? Под каким модусом-соусом рассматривается всякое существование здесь? О, это самое трудное: определить то, что близко, в чем обитаешь, как трудно определить себя самого. Может быть — «Кто?», «Кто виноват?» — знаменитый вопрос герценовской повести. И стиль взаимных подозрений: кто ты? каков? «А ваши кто родители?» (Маяковский к убийце Пушкина в «Юбилейном»)... Анкеты, вопросники, расследования твоей подноготной в отделах кадров и КГБ. Автобиографии, что пишем... И сейчас мы снова вопрошаем: кто виноват в наших бедах? Кто бес, искуситель, враг? Но есть и благородный, и возвышенный аспект в этом интересе к «кто?». Это принцип Личности. Это гуманизм русской классической литературы, ее интерес ко внутренней жизни души, духа (Толстой, Достоевский...).

А может быть — «На кой?» Этот народный вариант вопроса «зачем?», но без позитивного интереса и к «за», и к «что», как бы наперед будучи убежден, что и не стоит усилия делать и интересоваться — все равно не выйдет. Так что уж лучше и не делать ничего...

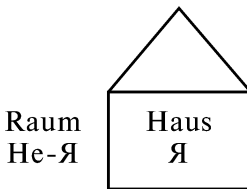
Но в последнее время, когда будто выбивается из-под тебя платформа, на коей стоял, расплзается земля, тает льдина, где Космос твой, где прописан ты и язык, и труд твой, а именно: российская (и советская) цивилизация, — вслушиваясь в свое мироощущение, на своем опыте, словно в доказательстве от противного состояния, убеждаешься, что основной вопрос в России — «Чей?» Оказавшись теперь «**ничей**», человек ощущает, будто стержень и тягу, и смысл жить из-под тебя выбивают. Недаром и фамилии русские все поссессивны, родительны: Иван-ОВ, Пушк-ИН... Человеку тут потребно знать-чувствовать свою принадлежность к какому-то целому больше него: роду, Родине, Идее, Богу... В разреженном Космосе и сыро-мерзлом, в бесконечном просторе России он не может самостоять совсем один, но в некоем «мы»: дома-семьи, села, страны. «Мы — псковские!..» Человек в «Философии общего дела» Н. Федорова определяется как «**Сын** человеческий» и в братстве — по родству. И патриотизм здесь — живая пуповинная связь. Понимаешь слова песни: «Была бы только Родина!...» — тогда я прикаян, на месте, при пространстве-времени. Даже в песенке милой детской про чибисят: «Ах, скажите, чьи вы?..» — тот же основной вопрос ставится. А если и могли обличать русскую и советскую ци-

визацию и хорошо творить культуру **блудные сыны** бессемейные (там Чаадаев, Лермонтов, Тургенев, Маяковский, Мандельштам...), то это потому, что крепко стоял Отец (дворянская цивилизация, российско-советская) и при нем — **Сын послушный** (крестьянин, служивый, солдат, чиновник, партаппаратчик...), и было блудному куда возвращаться, припасть-каяться и где тельца на радостях подадут... Так что на привязи памяти ЧЕЙ ОН себя и Блудный сын (шалун, блатной, люмпен, диссидент...) осознавал, содержим был и содержателен мог быть... Но теперь у нас, кажется, и ни отцов, ни сынов послушных, а — из одних сынов блудных, люмпенов, уповаем страну, хозяйство, культуру построить. А «патернализм» и «инфантильность» — эти ругательные слова фигурируют вместо «патриотизм» и «сыновство»... Но проблема есть: «речь не мальчика, но мужа» — когда на Руси раздастся?..

Попробуем теперь вычленить **символическую фигуру**, эмблему, **модель** мира. То, что предложу, конечно, — субъективно, плод моей интуиции. Но она опирается на некую частотность и существенность объективную, так что не случайна...

Шар-круг с центром и диаметром — модель Космоса у греков: в виде Сфероса представляли Бытие Эмпедокл, Платон, Архимед, Плотин...

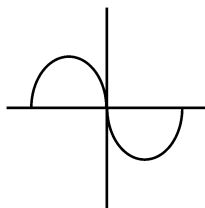

Дом — модель мира для немцев. Все видится как структура (мир — как миро-**здание**) с разделением на внутреннее, где «Я», и внешнее, где «Не-Я», т. е. диалог: Haus — Raum = Дом — Пространство.

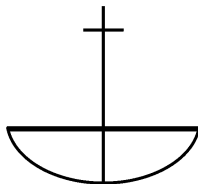

Арка — модель мира для Италии: купол Неба, нисходящий на Землю.

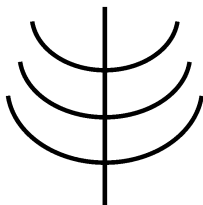
Крест Декартовых координат с синусоидой на нем — для Франции: симметрия, дуализм, баланс между экстремами противоположностей, между прямой мужской линией и женской кривой, волной.

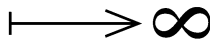
Корабль-остров с мачтой = «самодельным человеком», self-made man — схема Бытия для Англии: взгляните в эмблему фунта — £

Менора, **семисвечник** — эмблема Еврейства: столь малое основание — сцепление с Землей («минус-Космос» еврейства в диаспоре) и разветвленное развитие в воз-духовной сфере Психо-Логоса.

Путь-дорога от порога в бесконечность по горизонтали равнины — русский образ мира: реактивно, ракетой «от самой от себя у-бе-гу!»...

Эмблема **доллара** не случайна и многозначна в США. Тут вертикаль небоскреба со Змием, обвивающим Древо. Если же положить эту фигуру, то получим автобан с развилками в форме «спагетти», — типичный американский пейзаж в этой Фордом выделанной стране для «человека-в-машине» (man-in-a-car)

ЛИТЕРАТУРА

Монтескье Шарль. О духе законов.
Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества.
Гегель Георг. Философия истории. Эстетика.
Данилевский Николай. Россия и Европа.
Федоров Николай. Философия общего дела.
Шпенглер Освальд. Закат Европы.
Тойнби Арнольд. Исследование истории.
Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока.
Гумилев Лев. Этногенез и биосфера Земли.

Книги Г. Д. Гачева из серии «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ МИРА»

Ускоренное развитие литературы. М., 1964.
Содержательность художественных форм. Эпос. М., 1968. Лирика.
Театр. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. М., 1972.
Образ в русской художественной культуре. М., 1981.
Национальные образы мира (Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский). М., 1988.
Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М., 1991.
Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М., 1991.
Наука и национальные культуры (Гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов на Дону, 1992.
Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М., 1993.
Русский Эрос. М., 1994.
Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997.
Национальные образы мира. Курс лекций. М., 1998.
Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999.
Музыка и световая цивилизация. М., 1999.
Вещают вещи. Мыслят образы. М., 2000.
Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама. — М., 2002.
Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. — М., 2002.
Национальные образы мира. Соседи России: Польша, Литва, Эстония. М., 2003.
Национальный космо-психо-логос. — «Вопросы философии», 1994, № 12.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Книга 1 КУРС ЛЕКЦИЙ

Часть первая ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Лекция 1. «Кто я такой?» Проблема и драма национальной идентичности. Смешанный индивид — как «пересечение множеств». Этнос, народ, нация, регион. «Познай самого себя» и «познай мир» — двуединая задача и работа. Экзистенциальная культурология и привлеченное мышление. Предстоят интеллектуальные путешествия. Эрос угадывания. Эвристическая ценность национального представления мира. История вопроса 9

Лекция 2. Нас интересует не «национальный вопрос», не «национальный характер», но особая шкала ценностей, логика, картина мира. Национальное понимание универсальных терминов в политике, в науке. Презумпция непонимания и коэффициент ошибки. «Год» исторический и национальный. Константность национального образа мира 16

Лекция 3. Национальные варианты Инварианта Бытия. Элементы разнообразия. Везде все есть, но нас интересуют акценты: что преобладает в данном национальном образе мира? Пространство или Время? Вертикаль или Горизонталь? Мужское или Женское? Растительный или животный символизм? Генезис или Творение? («Гония» или «Ургия»?). Национальные варианты религиозного чувства и образы Бога. Акценты в Троице. Преимущественные вопросы: Что? Почему? Зачем? Как? Чей?.. Символическая фигура, эмблема национального мира 19

Лекция 4. Природа — первое основание национального разнообразия. История — унификация или дифференциация: нарастание корпуса национальных качеств? Диалектика уподобления и различения при контактах стран и народов. Трение — полировка снаружи, но и массаж внутренних органов.

Три точки опоры для характеристики: древность (миф, фольклор), классика и современность. Междисциплинарность в реконструкции национального Целого 28

Лекция 5. Национальные организмы внутри мировой цивилизации. Космо-Психо-Логос. ПРИРОДИНА. Народ — ее Сын и Муж. История — супружество Народа с Природой. Культура — чадородие их брака. Труд — в соответствии и в дополнительности к местной Природе. Космософия и историсофия. Национальный Космос = Судьба. Личность = Свобода. Культура как творчество меж Судьбой и Свободой 32

Лекция 6. Национальный Логос. Проблема национальной логики. Видения и интуиции мыслителей. Метафоры внутри «строгих» терминов философии и науки. Анализ национальных вариантов основных понятий: Идея, Истина, Материя, Пространство, Время и др. Образный априоризм 36

Лекция 7. Сравнительный метод. Национальная компаративистика. Через познание разных миров точнее уясняется родной. Каждый национальный Космос — как предмет познания и инструмент описания прочих. «Дразнение» языков. Интерференция национальных миров. Не до-казать, а по-казать. Не структурализм, а принцип «все — во всем» . . . 43

Лекция 8. Проблема языка описания национальных миров. Метаязык четырех стихий. «Земля», «вода», «воз-дух», «огонь», понимаемые расширительно и символически, позволяют читать природу, физику и метафизику, поэзию, музыку. Естествознание Истории. Национальные символы, флаги. Иерархия элементов в национальном Космо-Психо-Логосе. Автопортрет на языке четырех стихий 47

Лекция 9. Национальные языки — как голоса местной природы. Фонетика стихий. Язык — портативный Космос. Рот — микрокосмос. Гласные — координаты пространственно-временного континуума. Как читать иерархию ценностей в национальном Космосе по удельному весу тех или иных звуков в языке. Физика поэзии. Космос одного стихотворения 53

Лекция 10. Грамматика языка и национальный Логос. Синтетический язык ближе к Природе, «гониеи». Аналитический язык — ближе к Труду, «ургиеи». Смыслы падежей. Тенденция в развитии языков: от синтеза к анализу. Инверсия и строгий порядок слов. Система родов и Эрос 57

Лекция 11. Философия национальной пищи и питья. Еда — как религиозный акт воссоединения: причастие человека-микрокосма к Космосу вне его. Бытие — как взаимное жертвоприношение. Диета — как ограда Жизни среди энтропии Вселенной. Что вхоже внутрь человека в естественной форме? Семена: яйцо, икра, орех, ягода. Варение — цензура огня и воды. Напитки. Соответствие градусов алкоголя и северной широты. Водка = огневода в космосе матери сырой земли. Пища кочевых и земледельческих народов. Кочевник — верхом на своей еде = стаде, стрижет Пространство. Земледельцу — Время сотрудник. Национальные блюда. «Гамбургер» = = американец: скорая еда для человека-в-машине 61

Лекция 12. Тело — как текст. Нос, губы, глаза. Национальные телодвижения: жесты, позы («асаны» = философемы), танцы. Философия вальса. Национальные игры, виды спорта 70

Часть вторая

ПОРТРЕТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИРОВ

ГРЕЦИЯ	79
ИТАЛИЯ	99
ГЕРМАНИЯ	112
ФРАНЦИЯ.	127
АНГЛИЯ	151
АМЕРИКА	178
КОСМОСОФИЯ РОССИИ И РУССКИЙ ЛОГОС	205
ЕВРЕЙСКИЙ ОБРАЗ МИРА.	213
ПОЛЬША.	230
БАЛКАНСКИЙ КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС	239
ГРУЗИЯ (Миросозерцание горца)	246
КИРГИЗИЯ (Мировоззрение кочевника)	255
ПАНОРАМА ЕВРАЗИИ	274

Книга 2

КАК Я ПРЕПОДАВАЛ В АМЕРИКЕ (Исповесь)	281
Литература.	538